

Чжоу Це отвел тяжелый взгляд от подсудимых и уставился на лежащий перед ним судейский молоток. Он лихорадочно обдумывал, в какое русло направить допрос, когда в зал торопливо вошел стражник. Склонившись к самому уху судьи, тот прошептал:

— Пришли вести от императорского лекаря. Порошок, найденный в покоях Второго принца, полностью идентичен яду в том флаконе.

Услышав это, Чжоу Це принялся задумчиво поглаживать пальцами гладкое дерево молотка, не сводя глаз с Янь Сюня.

— Ваше Высочество, — заговорил он наконец. — В вашем дворце обнаружен ядовитый порошок. Его состав в точности совпадает с отравой из фарфорового сосуда.

Судья пристально следил за выражением лица принца. Янь Сюнь на мгновение изумился, но почти сразу вернул себе прежнюю невозмутимость.

— Ваше Высочество, есть ли у вас объяснение? — надавил Чжоу Це.

Янь Сюнь еще не успел открыть рта, как Янь Хуань, с тревогой глядя на брата, тихо позвал:

— Второй брат...

— Все в порядке, — Янь Сюнь ободряюще коснулся плеча младшего и вскинул голову, встречая взгляд судьи. — Как яд оказался в моих покоях? И где именно его нашли?

— Отраву была спрятана в вашей спальне, — незамедлительно ответил Чжоу Це. — В Вазе Мэйпин с небесно-голубой глазурью и белым бамбуковым узором. Что же касается того, как она там оказалась... Откуда мне, вашему покорному слуге, знать помыслы Вашего Высочества?

Эта ваза с бамбуковым узором была подарком Янь Юя на прошлый день рождения принца. Из-за узкого горлышка она предназначалась лишь для веток сливы или для хранения вина. Янь Сюнь, презиравший Янь Юя за былые издевательства, не любил этот подарок, но, не желая выдавать свою неприязнь, выставил её на самое видное место в спальне как украшение. Его день рождения пришелся на пятый день после «Белых рос», и спустя несколько месяцев, когда ударили морозы, он сам поставил в нее несколько веток цветущей сливы. Тогда в ней не было ничего подозрительного. Когда же туда подбросили яд? И кто это сделал?

Янь Сюнь остался бесстрастным, лишь холодно и горько усмехнулся.

— Господин Чжоу, кто именно обнаружил яд?

— Один из стражников во время обыска, — предположил Чжоу Це. — Неужели Ваше

Высочество хочет сказать, что мои люди сами подбросили улику?

Янь Сюнь кивнул:

— Если бы этот яд принадлежал мне и я действительно задумал убить брата-наследника, я бы уничтожил остатки в тот же миг. Зачем мне прятать их в собственной спальне? Чтобы облегчить вам поиск доказательств? Я не настолько глуп, чтобы совершать подобные ошибки.

Принц перевел взгляд на Ван Шу и ровным голосом продолжил:

— Лю Юань мертв и больше не заговорит. Но перед смертью он так и не признался, что тайно встречался со мной или получал от меня этот флакон. Раз мы оба — и я, и Лю Юань — отрицаем сам факт встречи, то как ты, Ван Шу, докажешь, что она вообще была?

Служанка на мгновение лишилась дара речи, но Янь Сюнь уже обрушился на нее с новой силой:

— Ты намеренно пытаешься меня подставить! Ты постоянно прислуживаешь в моих покоях, и у тебя было предостаточно возможностей подбросить порошок в ту голубую вазу...

Ван Шу, не ожидавшая, что обвинение в покушении обернется против нее самой, вскрикнула:

— Я никогда не желала зла Наследнику! Ваше Высочество, зачем вы порочите меня?!

Янь Сюнь холодно усмехнулся, глядя, как девушка прослезилась:

— Ты отравила брата, выдумала мою встречу с лекарем, чтобы отвести подозрения от себя и заставить Наследника усомниться во мне, а теперь пришла сюда лжесвидетельствовать. Твой умысел поистине чудовищен!

Побледневшая Ван Шу рухнула на колени и зашлась в рыданиях:

— Ваше Высочество, вы пошли на преступление ради трона, а теперь хотите погубить и бедную служанку?

— Если ты не признаешь вину, то как докажешь правдивость своих слов? — в голосе Янь Сюня прозвучала тихая издевка. — Даже не пытайся снова поминать ту историю, будто Лю Юань столкнулся со служанкой у покоев матушки-императрицы. Во-первых, та девушка не разглядела лица — она видела лишь кого-то похожего на лекаря по телосложению. Во-вторых, даже будь это он, откуда ей знать, откуда он шел и нес ли с собой яд?

Ван Шу лишь беззвучно плакала, ее слезы падали на пол, оставляя темные пятна на камнях. Она отвесила Чжоу Це низкий поклон, коснувшись лбом пола:

— Господин Чжоу, я невиновна. Все, что я сказала — правда, я видела это своими глазами.

Служанка выглядела жалко, напоминая слабую травинку под порывами яростного северного ветра, но Чжоу Це не был человеком, чье сердце легко тронуть слезами. Он игнорировал ее стенания, пытаясь распутать узлы этого дела.

В этот момент тишину зала нарушил скрип колес. Чжоу Це обернулся и замер в изумлении: в дверях появился Сяо Юэбай. Его кресло толкал старый лекарь с белоснежной бородой.

Канцлер Сяо был мертвенно бледен, совершенно обескровлен. После ночи в тюрьме его безупречное лунно-белое одеяние помялось и покрылось пылью. Он выглядел до того изможденным и надломленным, что сердце сжималось от одного взгляда на него.

Янь Сюнь застыл. На миг ему показалось, что дыхание и сердцебиение остановились. Очнувшись, он вскочил и в несколько шагов оказался подле Сяо Юэбая.

— Учитель... — голос принца дрогнул от боли. — Почему вы в таком состоянии?

Забыв о приличиях и присутствующих, Янь Сюнь опустился на колени и приподнял край его одежд. Ступни Сяо Юэбая, обернутые мягким шелком, пугающе распухли. Принц осторожно приложил ладонь к ткани, его голос был полон отчаяния:

— Учитель, больно?

Пострадал Сяо Юэбай, но Янь Сюнь сейчас сам напоминал раненого зверя, ищущего защиты и утешения. Сяо Юэбай почувствовал, как тепло, исходящее от рук юноши, отозвалось в его сердце, превращая его в мягкое, тающее печенье. Ему нестерпимо захотелось прижать Янь Сюня к себе, успокоить, оградить от всего мира... Но, помня о посторонних глазах, он лишь едва заметно качнул головой:

— Пустяки. Несколько дней отдыха — и все пройдет.

<http://bllate.org/book/17467/1694331>